

Евгений Журавли

Родился в 1979 году в городе Ярцево Смоленской области.

Окончил Калининградский госуниверситет («Технология и предпринимательство»), аспирантуру БФУ им. Канта («История философии»).

Предприниматель, исследователь, путешественник (Кавказ, Балканы, Афганистан, Иран). Проза и стихи опубликованы в журналах «Нева», «Дружба Народов» и др.

С 2016 года волонтер Донбасса.

Живет в Калининграде.

У ДОМА, ГДЕ ЖИВЕТ ПЛОТНИК

— **А** у вас там плотника, случайно, нет?

Старик, указываемый в наших списках, как «дядя Ваня», тяжело опускается на массивный табурет. Неряшливая просторная кухня сельской хаты, скрипучие полы, провислые дверцы древней мебели, когда-то белый тюль на мутном окне. В примечаниях стоит запись: «купить по дороге батон хлеба», — в восемьдесят пять тяжело ходить в магазин. Два ароматных батона лежат на цветастой клеенке стола, душевнобольная дочь притихла, сидит в стороне, нервно навострила уши. Она ослепла год назад от разрыва снаряда, прилетевшего в огород. Ей шестьдесят, суха и крепка, постаревшая копия Маугли, незрячая и пугливая, готовая выть и снова вцепиться напряженными руками в свитер отца. У «дяди Вани» еще две дочери в Днепропетровске, говорит, хотели бы, но не могут приехать. Им под шестьдесят. И другая реальность из телевизора.

— У нас нет. Вроде в Константиновке есть. Не в этой, что рядом, а в другой, — отвечает Ольга, примостившись с листком на облупленную кирпичную печь. — Нам там адрес так указали: «у дома, где живет плотник». Сегодня там будем. Заодно спросим. А что у вас? — Ольга крупными буквами пишет старику памятку, что и когда принимать.

— С крышей совсем беда, — кряхтит «дядя Ваня» и слезливыми старческими глазами смотрит на несчастную дочь. — Устал уже жить.

«Фенибут 250–1 таб в день; бисакодил 5–2 таб на ночь 5 дн, далее 1 таб на ночь; мазь — офломелид 1 р в день под марлю».

«Призвал двенадцать начал посылать их по два». Ольга зачитывает вслух чью-то надпись на потолке нашей газельки. Рядом разными почерками самые важные телефоны и схемы проезда, ведь связи все равно нет.

— Не знаешь, к чему это написано? — поворачивает взгляд. — Как про нас прям.

Ольга, красивая интеллигентная женщина за сорок, аккуратная и четкая, приехала сюда год назад на время отпуска. В ее привычке общаться с окружающими с приветливой заботой, как с пациентами или детьми. Но в черноглазой улыбке порой мелькает такая грусть, что нутро пробирает холод. Узнав количество нуждающихся, Ольга проработала два месяца. Вернувшись к себе во Владимир, как-то подстроила личные дела и приезжает с тех пор ежемесячно примерно на неделю с уже готовыми наборами медикаментов. Многие больные стали постоянными подопечными, едем по проработанному списку. К тем, кто не имеет возможности получать заботу от государства. Туда, где государства нет.

— Простите, как на Константиновку ехать? — притормаживаю возле мужиков, ковыряющих что-то на придорожной площадке. Мотоколяска, остов жигуля, несколько агрегатов на земле. Что-то конструируют из доступных запчастей.

— На Михайловку, а там на развилке направо. Чи какую Константиновку треба?

Оказывается, есть большая и две малых, а еще возле Михайловки и возле Васильевки.

— Не знаю. В одной мы уже были, но это сзади. Нам в ту, где плотник живет.

— А где живет плотник?

— В Константиновке.

— А в которой?

Разбомбленный сельский дом, как и все вокруг. На половине строения — латаная крыша, покачивается занавеска в проеме двери.

— Тут с онкологическим прошлым, — тихо поясняет мне Ольга. — Надо аккуратно, похоже, началось метастазирование. Тук-тук, есть кто?

Осторожный взгляд, сухие, чуть трясущиеся руки старушки.

— Ой, не ожидала вас. Прибралась бы.

— Ничего. Давайте-ка посмотримся, — говорит Ольга.

Внутри неожиданно чисто, ничего лишнего, все строго на своих местах. Снимаю обувь, прохожу в гостиную. В углу на полочке дремлет деревянная иконка, по сторонам от нее, на стенах, по две полотняных. Дом, не разделенный на два, устоит. Громко тикают в пустом пространстве часы.

— Возьмите вот... Иконку. Сама вышила, — удерживает хозяйка на выходе. — Тем более Троица. Ведь как раз. Ну, это. Я бы, конечно, по-другому. Но... Не знаю даже. А крыша, дом... Это ладно все. Плотника бы только. Да ладно. Вот другое, это да... Люди же... Это никогда. Это не простить.

«Габапентин 300 по 1 таб 3 р в день; линкомицин 500 по 1 таб 2 р в день 7 дней; диклофенак ретард 100 — 1 таб 1 р в день после еды; триметазидин 80 — 1 таб 1 р в день 60 дней; при сильной боли — дексалгин 2 куб».

Здесь люди часто дарят друг другу освященные иконки — вот, мол, пусть будет тебе защитник такой-то. Вполне их понимаю; если честно, не знаю, на что еще они могут надеяться. Перепадает оберегов и нам. В бардачке газельки уже пантеон святых. Но есть рукодельники, которые сами, для души или под заказ, вырезают, пишут или вышивают образа.

— Оль, заметила? С некоторых пор нам дарят иконы, где написана ты.

Чистая правда. Даренные лики теперь стали подозрительно похожи на нашего врача. Здесь ее ждут. Надеются.

— Святая женщина... — добавляю в шутку.

Она задерживает взгляд, поджимает свою обычную улыбку, отворачивается к стеклу.

— Только не называй меня больше святой. Такая святая, за-качаешься.

Зашуршала обертка, хрустнула плитка шоколада. На меня не смотрит, взгляд в потолок. «Получили вы эти дары не в награду и не за труды...» — написано там.

— Давай, если через Михайловку, заедем, сала копченого возьмем, — переводит она тему. — Лучшее в мире, проверено. Там пациентка одна, мы ей кресло-коляску привезли, она все не верила. Говорила, уже много волонтеров приезжало, обещают, а все никак. И вообще, говорит, как же вы привезете, мост через Васильевку перекрыт, это как-то объезжать с Запорожья... Только потом я поняла...

— Бабуся думала, ты с украинской стороны?

— Да. Потом, когда медикаменты выписывала, объясняла, что вместо прежних даю русские аналоги, тут она и говорит — а ты что, русиночка, что ли?

«Русиночка». Красиво. Реальность поменялась, а старики и не в курсе...

— Не сама делает сало. Но угостила и посоветовала. Там вся Михайловка коптит. Особые рецепты у них... Притормози, давай у местного спросим.

— Скажите, как на Михайловку? — торможу возле мужика, ведущего велосипед.

— Эт смотря на какую, — чешет под кепкой, прикидывая, сколько назвать Михайловок. К багажнику примотано ведро, в котором топор и ножовка.

— Нам вообще-то в Константиновку...

— Прямо на Константиновку и правьте. Сейчас вроде не стреляют.

— А вы не плотник случайно?

— Не... Скажите, надолго это все?

Следующая старушка долго открывает дверь. Еле двигается, опираясь на палочку, но разговаривает четко, голова в порядке. В квартире очень чисто. На расспросы о здоровье пожимает худыми плечами, не жалуется, ничего не просит, только хочет, чтоб ей вернули сына. С ее слов, он в районной больнице с эпилепсией.

— Сына можете мне привезти? — в конце любой фразы повторяет она.

Ольга уговаривает осмотреться, достает приготовленный для нее набор лекарств. Бабуля смущается, когда я ставлю в прихожей пакет с продуктами. Долго искренне отнекивается, видно, что ей неудобно. Успокаиваю: «Даром получили, даром даем». Это не совсем так.

— Сына можете мне привезти? — хватается за наши рукава.

— Простите, не в нашей компетенции, не можем, — говорит Оля.

В примечаниях указано: «Муж умер, сына убили».

— Не знаете, где-то тут плотник живет?

«Циннаризин 75 по 1 таб 2 р в день; дигоксин 1 таб 1 р в день 5 дней, потом 2 дня перерыв; сальбутамол по 1 вдох 2 р в день».

— Тетеньки, в Константиновке бывали? — спрашиваю у картинных бабулек у подъезда.

— Як же. Конечно, бували.

— Знаете, где там плотник живет?

— Плотник? — озираются друг на друга. — Не, плотника не знаем.

— Ладно. А ехать вот туда, как на Васильевку, правильно?

— Инших попытай. Мы не ездучие.

Те, кому мы помогаем, вовсе не добры. Обычные люди. Слабые. Не всегда добро меняет их. Но пробовать надо. Ставлю перед тетями по пакету с продуктами. «Вы такие красивые», — говорю. На самом деле не хочу, чтоб испытывали нездоровую ревность к следующему пациенту. Благодарно кивают. По обшарпанным ступеням поднимаемся на четвертый этаж панельки, звоним. «Опять жаловаться будет», — говорит Ольга.

Крохотная бровастая и носатая старушка — платок, вязаная шаль, всплескивает руками, освобождает проход. Не так

уж и бедно живет. Все не новое, но целое, есть даже телевизор. Боюсь представить, что он показывает — сюда не дотягивается российское ТВ. «Всех их бросили свои же дети», — тихо констатирует Ольга. Заново сетку картохи, хлеб, полкоробки тушенки. Еще купил хороших помидор и банку сметаны. Хотя это не было указано, но знаю, в этой местности считается варварством употреблять без сметаны картошку, да и вообще все. Пока вношу продукты, Оля начинает осмотр. Бабуся плачет, сетует на судьбу, правительство и плохих людей. Объясняется по-украински. Дочь погибла в Киеве. Задерживает старушечий взгляд на нас. Понятно, намекает, что косвенно виноваты мы своей войной. Нет родственников, нет документов и пенсии. Может, привирает — в наших пометках большая история посещений, а она вновь говорит, что всеми брошена. Рыдает по-настоящему.

— Вы у Бога виритэ? — внезапно всхлипывает она.

Ее не поддерживают соседи, во времена Украины она сдала в СБУ многих знакомых за прорусские настроения. Это указано в примечаниях. Там же: «Посодействовать в оформлении документов. Помощь продолжить. Крайняя бедность, депрессивное состояние. Ничего от нее не принимать. Пыталась отравить волонтеров».

— Ну вот, уже намного лучше, — говорит Ольга.

«Атаракс — половину таб утром, половину в обед, 1 таб на ночь; валсартан 160 — половинка табл 1 р в сут; ибупрофен 1 шт 3 р в сут».

— Почему ты ей не ответил? — интересуется Оля, садясь в машину. — Не веришь в Бога?

— Не верю. Абсолютно. Посмотри вокруг.

Шлепают колеса по убитому асфальту, гулко дребезжит кузов, газелька набирает скорость. Ольга чуть склонилась, смотрит вдаль. Там ничего нет, просто дорога.

— Не смущает, когда спрашивают имя, чтоб за тебя молиться?

Здесь часто просят сказать крестное имя, наше и наших детей. Записывают, говорят, будут просить за нас. Раньше признавался, что некрещеные. Удивлялись, замирали на миг, но спустя секунду:

«У Бога нет чужих детей. Дайте хотя бы их запишу». Сейчас уже не огорчаю людей, называю без пояснений.

— Это больше необходимо самим этим людям, — говорю.

Ольга кивает, молчит, глядя на проплывающие мимо поля. Помню, однажды отгрузили помощь в храм, священник спросил именина. Рядом со мной башкир Ильдар, разводит руками. Поп говорит: «Вы христиане. Просто скажите именина».

— А я вот верю, — говорит Ольга. — Иначе с ума можно сойти. От этой тотальной несправедливости, страданий невинных. А подлецов сколько вокруг, мама дорогая...

Наверное, вспомнила мужичка, который устроил террор в своем селении. Мы сначала через него помощь и распределяли, вроде как он старший, всем руководит. Потом узнали, что все продает, да еще и у оставшихся пенсионеров отбирает имущество и присваивает пенсии.

— Такое ощущение, что здесь два мира столкнулись, — продолжает она. — Кто-то все свое отдает, жертвует, как наши ребята, или те горожане, что ноги сбивают, бегают, помогают всем как могут, бездомных собак даже собирают, а помнишь, женщина одна всех брошенных лежачих стариков собрала, почти всех выходила, пока мы не появились... Смотришь вокруг себя — идеальные люди, лучшее общество, уже и не верила, что такие люди на земле есть. Мальчишкам посылку передаешь, они разворачивают, там записочка и вязаное от бабульки какой-нибудь из Сибири. Аж до слез. Воюют-то только мальчишки, хоть им даже и пятьдесят. Романтики. За свою страну, за мир. Хотят быть на светлой стороне. И всему этому противостоит какой-то ужас. Есть же командиры, которые за строку в отчете гонят на гибель. Чуть вякнул, возмутился — получаешь такое задание, что не вернешься. Трусливые чиновники, которые все под ковер. Гасят все хорошее, чтоб ничего яркого рядом, ничего без контроля. Крысы тыловые. Если не в руки даешь, что гражданам, что бойцам, даже не знаешь, дойдет ли до человека. Те же люди, что при Украине сидели, сейчас лижут задницу новым властям, жестко давят любой голос. Да и просто всяких скользких типов в достатке. Почему не сбежали? А сколько бессердечных. Равнодушных. Своя копейка если — хоть умирайте там, ему все равно... Короче, непонятно

еще, где настоящая война идет, — итожит она. — И как это победить?

Морщусь. Больная тема. Иногда и вправду руки опускаются. С кем воюю? Представил, как с той стороны едут на газельке такие же волонтеры, с которыми, бывало, общался в мессенджерах. Там похлеще чем у нас, намного серьезней. Вот они везут продукты и медикаменты туда, откуда ушло государство, передают теплые вещи и квадрокоптеры своим парням, которые так же отдают долг своей стране. Их командиры присваивают зарплату, международная помощь продается на всех рынках, а в правительствах сидят люди, согласовывающие свои действия с кем-то далеким. Бойцы, вчерашние жизнелюбы и работяги, конвейером идут без всякой подготовки. Где-то в высоких кабинетах получают картинку, и на ненашем языке: «Население тридцать пять миллионов. Прогнозируется сокращение до десяти... Приемлемые потери».

— Вот вроде следующая точка, — вырывает меня из размышлений Оля.

Война идет между двумя мирами. Враг не всегда напротив. Я чувствую, как он окопался в моих родных городах, пророс в этих разбомбленных селениях, рьяно и явно борется за лучшие кресла всех кабинетов, уже внедрился в безопасные уголки огромных армий. Чувствую его здесь, в скромных учреждениях с добрыми названиями, на сельских рынках, в нечаянных фразах случайных людей, таких же обездоленных, как их окружающие. И больше всего боюсь, что небольшой плацдарм врага есть в каждом, в том числе во мне. Знаю, он ждет.

«Амоксиклав 250 — 2 раза в сут день-вечер; фуросемид — 2 таб натошак не разжеывая, с водой; аспаркам — 1 таб 10 дней; диклофенак табл — 1 табл в сут; диклофенак мазь — на сустав 1 раз в день 14 дней; оmez — 1 шт утром до еды + пол стакана воды 14 дней; финлепсин — 1 таб в сут после еды, обильное питье; при болях — кеторол 1 таб не более 4-х раз в день».

Однажды в юности я поймал паренька-зачинщика из группы своих обидчиков, решил разобраться по отдельности. Он вел себя очень громко и угрожающе, даже когда моя ярость сломила его сопротивление. Но когда зажал его в уголке, и он оказался

целиком в моей власти, вдруг затих, начал лебезить. Я видел страх. Я ненавидел. Презирал еще больше за эту резкую перемену. Подумал о ничтожестве, неисправимой подлости такого существа. Захотелось растоптать, исключить такое из мира. Но не смог больше ударить. Знаю, наверное, совершил ошибку. Но не смог. Наверное, он, как паразит, как-то завладел моим сознанием. Или моя собственная мысль: «если унижу его, стану таким же», остановила руки. Как-то сразу стало ясно, что помогаю ему в дальнейшем избегать неотвратимости наказания. Что наживаю лютого врага. И действительно, он всю жизнь всеми способами жалит всепоглощающей ненавистью с безопасного расстояния. А я не смог. Наверное, это ошибка, не знаю. Мы прощаем зло. Зато не становимся им.

— Тук-тук! Приехали... — Оля вопросительно смотрит на меня. Как-то на автомате доехал и даже запарковался.

«Для обработки — бетадин йод раствор; нано-асептика серебро — блестящей стороной на рану под широкий бинт 5 дней; перерыв 3 дня — мазь левомеколь; снова серебро 5 дней; потом мазь левомеколь; атаракс — пол табл на ночь».

— Не знаете, где плотник живет?

— Не. Самим бы...

***

Трогаемся. То тут, то там мощно ухаает арта.

— Не пора ли надеть броню? — осведомляюсь я. — Настаиваю. Приказываю.

Наши бронежилеты мирно лежат на пассажирском, каску вообще не помню когда надевал. Это против правил.

— Ну если ДРГ залетит, все равно капец же, — говорит Ольга. — У Юры хоть пистолет есть. Нам бы гранату.

— Я про артиллерию. И поглядывай дроны. Это вероятней.

Оля стучит пальцем по очередному перлу бортовых записей: «Обуться в простую обувь не носить двух одежд». Усмехается. Точно, как про нас.

— Да что артиллерия. Недавно ДРГ высадилась, целый поселок захватили. И волонтеров расстреляли. Хоть гранату иметь.

- Тебе-то зачем граната? Пожалеют, женщина.
- Этого и боюсь. Надо.
- Да у меня есть, успокойся.

***

Броники так и остаются лежать невостребованными. Трудно заставить себя быть в экипировке рядом с несчастными и незащищенными. словно возвести границу. Вот и следующий адрес. Двор, окаймленный угольными сарайчиками, истоптанный палисадник, блочный восьмиквартирный дом. Нам на второй.

— В пятнадцатом году пришли, зарезали, — вздыхает хозяйка, не отводя взгляда, цепко выцеливая глаза в глаза.

Оля кивает, видно, слышит не первый раз. В конце концов, главное — уделить внимание людям, дать выговориться. На губах пациентки полуулыбка, похоже на истерику.

— Я уж десять лет как на пенсии... Вообще, завклубом была... В Константиновке.

— Наверное знаете, где там плотник живет?

Та лишь качнула головой. Или не слышит.

— Потом сюда. А здесь не шумно, людей нет. Сначала думала — хорошо, а потом поняла — дичаю. Дичаю без людей... А потом наши пришли...

— Поднимите руку, — говорит Ольга, но та, кажется, не слышит, я помогаю придержать.

— Бои были, ой... Помню, он пришел, соседский, еще мальчишкой знала, попросил у меня матрац или что-нибудь, хочу, говорит, у себя в доме переночевать. Я ему — как же, там же разбито все, небо видно, дождь капать будет...

— Вот так, еще немножко, — поворачивает ее Оля.

— ...а он — ничего, зато в своем доме, знаете, сколько ждал этого? Вот так было... Ох и радовались же. Ничего от поселка не осталось, но радости-то... Забавно.

Забавней некуда.

«Клопидогрел 75 — 1 таб после еды вечером; троксерутин 300 — по 1 таб 2 р в день; троксерутин мазь 2 р в день».

- Извините, не знаете, где плотник живет?
- Тесляр? Тесляра у нас нема. Але кум у мени рукастый. Треба чого?
- Это же Константиновка?
- Так.
- А военные здесь есть?
- Ни. Але близько є. У Васильевки стоять, у Николаевки.
- А другая Константиновка рядом есть?
- Е ще, як на Васильевку. Так треба вам що, чи ні?

Едем дальше. В грузовом лежит небольшая коробка с непонятными химическими надписями — дефицитные медикаменты, которые ждут в госпитале. Нам запрещено фиксировать адреса госпиталей, делать о них записи. Как только о них становится известно широкому кругу, туда прилетает ракета, обычно даже две. Прячутся и от местных, и от внешнего взора. Занавешенные окна, минимум наружных перемещений, упрятанная охрана — казалось бы, типичное заброшенное административное здание. Локацию мы объясняем друг другу на пальцах, стараемся приезжать туда с наступлением темноты, без фар и лишних глаз. Сегодня, очевидно, тоже не приедем рано. Может, и канонада утихнет.

— Ты понял, где они сказали, лежащая, к которой никто не приходит?

Окраина рабочего поселка, небольшие серые блочные дома. Скученная шпана провожает взглядом и, определив место остановки, осторожно подтягивается к машине. К счастью, за больной ухаживает соседка — молодая всклокоченная женщина с большими невыспавшимися глазами. «Хоспади, за шо ж это все?», — тихо причитает она, пропуская нас в комнату. «Не знаете, где плотник живет?», — спрашиваю на ходу. Задумывается на миг, отрицательно качает головой.

Лежащая старушка в совсем плохом состоянии. Смотрит в потолок и уже просто молчит, приоткрыв рот, будто в болезненном немо крике, пока переворачиваем ее, чтоб осмотреть раны.

Качнулась сухая рука, что-то прошептали губы. Оля колдует у поясницы, наклоняюсь к черным точкам старческого лица.

— Не обманывайте детей... Больше... никогда не обманывайте детей... Никогда... — тихо хрипит она.

«1. обработать дно язвы — хлоргексидин; 2. далее на стерильную салфетку — левомеколь под повязку на несколько часов; 3. повязку снять, снова промыть хлоргексидином; 4. дать подышать несколько часов; 5. повторно левомеколь. Места покраснений — мазь метилурацил».

Притихшая разновозрастная детвора столпилась в сторонке, тихо обсуждая нас. Подхожу к машине, достаю записнушку, делаю вид, что ставлю пометки, обращаюсь к ним:

— Ребята, ну-ка подойдите. Какой адрес?

Те подходят, неуверенно называют.

— У меня проблема, — нарочито серьезно продолжаю я. — Осталось много конфет... Здесь написано: «Отдать тем, кто умеет делиться». Не знаете таких?

Те переглядываются, еще не понимая, что происходит. Открываю багажник, вытягиваю штатную коробку, освобождаю место в кузове, чуть отхожу. Делаю театральную паузу, кричу: «Налетай!» Высыпаю.

Поначалу растерявшись, ребята набрасываются на подарки. Подсовываю им в руки коробку, в конце концов, конфеты снова оказываются в ней, но уже прижатыми к груди остроносой мышиноголазой девчонки.

— Обманул детей, — говорю, когда тронулись. — Хоть и шутивно. Ничего ведь не написано. Это считается за обман?

— Не знаю даже. Зато целое приключение. Сколько им радости.

— И снова ведь обману, хочу или нет. Потому что это кажется хорошим. Всегда обманываем.

Ольга молчит, разглядывает унылые домики за окном.

— Ведь даже когда разговариваем друг с другом, здесь и сейчас, не говорим всей правды, не озвучиваем вслух всего того, что вокруг происходит. Весь этот капец...

— Значит, все повторится, — говорит она.

Подъезжаю к единственному магазинчику. Здесь точно всех знают. Выхожу, здороваюсь. Несколько селян неспешно обмениваются новостями и рассуждениями, лениво курит в проеме продавщица, вытянула шею кошка на картонных коробках.

- Здравсьте. Армейские есть в селе? Нам бы офицера...
- Не, нету.
- Скажите, есть в селе, кого называют «Плотник»? По работе или с такой фамилией, прозвищем?

Долго совещаются, перебирая кумовьев и знакомых, их ближнюю и дальнюю родню:

- Не. Тоже нет.
- А есть рядом еще Константиновки?

Выясняется, есть, но неблизко. Советуют на Васильевку, и там спросить. Есть еще возле Михайловки, но та совсем маленькая, навряд ли там найдем офицера, не говоря уж про плотника. На всякий случай зарисовываю схему обоих. Благодарим, прощаемся. В боковые зеркала вижу, как нас долго провожают взглядом. Будет им что обсудить. Все слишком непонятно. Все чувствуют — прямо сейчас происходит что-то большое. Никто не знает, что.

— Слушай, а тебе не кажется, что возле Васильевки обнаружатся другие Константиновки, рядом с которыми Михайловки, после которых другие Васильевки по пути на Константиновки? И так до румынской границы...

- Ну что ж поделатъ. Придется объехать их все.
- До дома, где живет плотник?
- До дома, где живет плотник.

ЖАР

Хоть я и отказывался, все-таки бойцам нужнее, Серый настоял, сказал, иначе обижу. Каждый поступит так же. Понятно, баня — сакральное действо, главный мужской круг, место откровенных бесед, не пригласить гостя странно, а для Сереги я даже не гость, а немалая часть жизни. Мне так и лучше, где еще поговоришь, как в парной, только чуть совестно перед служивыми, на войне это дефицитный досуг. Следующие в очереди, наверное, уже поглядывают на часы. Серый ловит взгляд, примерно угадывает, о чем я, усмехается, жестом

направляет меня в парную. Напомнило что-то домашнее, из той жизни. В последние годы виделись редко, как раз только в баню я к нему и приезжал. Хлест веника и шипение воды, ошеломляющий ушат холодной, а потом уже стол, спокойные семейные разговоры, жены, дети, немного выпивки. Всегда еще кто-то из его друзей: знают, суббота — двери открыты. Странно, что здесь, на войне, мы опять сидим на одной лавке, пригибая голову от жара.

— Да че с ними будет. Просто говори, что все хорошо. Наврешь побольше — и нормально.

Это он насчет Лизы, своей жены. Прочел мой немой вопрос, а может, просто продолжает вслух собственную мысль. Такой вот он. Сам замирает без дыхания, когда рассказываю — что сказала жена, как в окно смотрела, во что была одета. Но не хочет ни письма писать, ни вживую поболтать. Сколько ни прошу, хоть пару строк или видеопривет — отмахивается. Я сейчас его единственная связь с домом, «той жизнью», собственным прошлым. И знаю, для него это важно. Но уперся — и все. Просто он такой. Люблю этого человека.

— Бабуля говорила, счастье — момент, когда ничего больше не надо, даже слов. Вот прям оно.

Широкой ладонью Серый стогнет пот с лица и шеи, снова опускает голову. Не хочет, стало быть, о семье разговаривать. Сдвинул тему. Ну и ладно. Раскалили, кстати, неслабо. Жар проникает до костей, голова чуть ватная. Иная реальность. Рядом еще два бойца, явно сибиряки, оба щурятся по-соболиному. Землянка небольшая, если чередоваться между парной и моечной, наверное, очень даже просторно, но пока что все хотят прокипятить кровь. Сидим плотненько, как патроны в рожке.

— Главное МАН прошприцуй. Не забудь, пожалуйста, — напоминает он.

Опять заладил. Я уже пытался сказать, мол, сам промажешь, когда вернешься, но вижу — упорствует, не откажешь. Сколько его знаю, всегда он с грузовиками. Сначала водителем, потом на себя, потом распродал все, приобрел этот самый МАН с манипулятором. Сам себе хозяин, заработок немалый. Вылизывал его еженедельно. Видать, скучает.

— Должно быть хоть что-то, что довел до ума. Личная микровселенная. Где все как надо.

Знаю Серегу больше половины жизни, со своих двадцати. Он как раз вернулся с армии — высокий, ушастый, большеголовый. Похож был на весеннего медведя, весь какой-то дражный, голодный и худой. С годами заматерел, конечно, вот уже и проседь. Но тем больше похож на зверя. Когда смеется, уши еще сильнее оттопыриваются, и я, хочу — не хочу, улыбаюсь. Словно и не было этих лет. Все пытается воплотить свою микровселенную.

— Ну а для чего тогда все, если не так? — твердо спрашивает он.

По-отцовски наставляет — нужно МАН завести и потарахтеть, лапой подвигать, упоры поставить-убрать, да и прокачаться не помешает. Мол, не должно застаиваться, все стареет без движения, особенно гидравлика. Я не перебиваю, дую на него и себя обжигающим воздухом. Пусть терпит. Вообще-то Серый весельчак, а тут серьезного изображает. Можно подумать, про человека рассуждает, не про грузовик. Так бы о семье переживал.

— Почти пятьдесят точек шприцевания. Смотри, не пропусти ничего. В полке над лобовым книга по эксплуатации, там все схемы, ты буквы любишь, разберешься. А Лизке тверди — все нормально, сижу в тылу, просто связи никакой. Ты ж умеешь наплести.

Серый постоянно «за ленточкой», думаю даже, сам напросился в пекло. И не знаю, что врать Лизе. Когда началась мобилизация, его вызывали в военкомат, но лишь сделали учетную запись, отправили домой. Серый помаялся пару недель и записался в добровольцы. Я не удивился, вполне в его духе.

— Дома, что мог, сделал, но смотришь на это все, понимаешь — ничего вообще не сделал. Поэтому и пошел.

Лизе сказал — мобилизовали, а контракт, мол, еще и заработок. Вот так и обхитрил. Непонятно правда, кого. Жена, конечно, заподозрила что-то, тем более, стало известно, призванные получают не меньше контрактников. Но молча стала покупать амуницию получше и обвесы — родина сказала «надо», значит, надо. Железная женщина.

— Да как я поговорю? Я ведь голос услышу, рвану сразу к ней. Бед наворочу. Ты уж лучше наври ей что-нибудь. У тебя это хорошо получается.

Самому, наверное, совестно. Помню, как впервые ее увидел. «Знакомьтесь, она будет жить с нами». Высокая блонди совершенно городского вида, самоуверенная, с юмором. Даже странно было видеть их рядом — дикарь и цветок. До армии у них что-то там было, через несколько лет, как только устроился в городе, Серый нашел ее, вырвал у мужа. Пару месяцев мы вчетвером ютились в нашей однушке.

— Только возьми пневматический шприц, Лизка покажет. Обычным не потянешь. Это если б бабу наштиговать, знаю, ты бы давил, пока смазка не кончится. А?

Не издевка, просто провоцирует старые воспоминания. Подмигивает сослуживцам и с улыбкой чуть толкает меня телом. Грубоватые доски приятно царапают бедро и плечо. Похоже на женские ногти. В бане хочется говорить только правду. Было дело. Слонялись по девчонкам, наводили шорох.

— Че я ей скажу? Она сама знает. Просто возраст пришел. Либо на стакан садиться, либо бежать. Потому что надо смысл.

Берет веник, секунду думает, вытаскивает около половины ветвей, связанную часть откладывает. Знаю, зачем. Помню, еще не были так близки, я после гулянки приперся к нему на квартиру, стыдно было к своей. Утром он выставил на стол что было, я голодный, хватал все, он ел не спеша, когда остался последний ломоть, я думал — брать ли. Он угадал мысль, разломил кусок пополам, вернул назад, продолжил есть. На меня это тогда произвело сильное впечатление. Тогда же он моей сказал, что ночь я был у него. И с того времени покрывал всегда. Серый — брат моей первой жены.

— Там на МАНе на заднем суппорте штуцер под шприц заломлен, ты просто прижми и дави. Представь сам знаешь что, и сразу второе дыхание. Я тебя знаю.

Внутренние стены обшиты толстым утеплителем на фольге, от этого интерьер имеет инопланетный вид. Сварной самодельный котел тоже обернут блестящей жостью, в полость засыпаны камни. Лавки из грубой доски. Самоварный эко-хайтек. Русский космос. Вот же, из ничего обустроили... А с леса выглядит

как обычная землянка — холмик с трубой, ниша с дверцей. Место красивое — сосновый бор, подальше от ППД, поближе к воде.

— Но вообще-то, ничего нового я тут не открыл. У бабуси, знаешь, свеча на службе всегда ровно горела. Ей это нравилось, потому и помню. Примета ведь, что у грешников свеча неровно горит. Так вот. Бздят. Нет столько безгрешных.

Кто-то в моечной затевает стирку. Серый рассказывает, как однажды натурально обделался на задании. И ползти было страшно, на верную смерть, но двухсотого надо вытаскивать, пули прям рядом вжикают, дополз почти, тут увидел противника, метрах в двадцати, тот тоже увидел. Прям по ногам потекло, ну все, хана. А тот давай строчить, но почему-то не попадает. Не сразу понял, что противник поверх него стреляет, только шум создает, да еще рукой показывает, типа «забирай своего и вали». Так и вынес.

— Случается, оказывается, в жизни и такое. А вот у Татарского в ленте как-то прочел: главная задача русского человека — не обосраться перед смертью. Прикинь.

Плюхает из кружки, удовлетворенно кривится, отворачиваясь от пара. Когда морщится — похож на моего сына.

— А еще было раз, ППД обстреляли, парень как раз вышел в толчок, тут ракета прилетает. Попадание не прямое, так бы капец, но РЭБ чуть траекторию отклоняет, в общем, располагу развалило, все трехсотые, а вот парнишку этого прям с говном смешало. Вот же не повезло. Лучше б уж вообще без тела.

С годами Серый все сильнее воспринимает нечистоту как скверну. Это у него от бабушки, та чистюля была редкая. Все детство бегал от нее, теперь вспоминает. Бывает и так. Любила она Серегу больше других. Он по детству был непутевый, пыталась водить в школу и встречать с уроков, так он сбегал заранее с уроков, чтоб с ней рядом не идти, а если сторожила, то, бывало, и через окно. Бабуля и домик свой ему отписала, хотя наследников немало. Говорила, пусть хоть что-то за жизнь хорошее делается, пусть опора будет хоть одному человеку.

— Все за Лизку переживала, говорила, на кой ей такой бусурман, как я.

Я с бабушкой долгое время в этом был согласен. Не думали, что у них срастется. Но потом мы переменили мнение. Бабуля,

когда при смерти лежала, даже сказала — теперь счастливая, ничего не хочу. Это часто у Сереги дома поминают.

— А теперь вот так. Знаешь, как из дома уезжал? Я ей — Лиз, — говорю. А она ноль, ничего. Снова ей — Лиз. Тишина. Лиз! И так весь день.

По мне, так ее можно понять. Должна же быть какая-то причина, почему муж оставляет дом, семью и уезжает на войну. Хоть бы попробовал объяснить.

— Вот ты мне скажи, для чего снег лежит на ветках? — отвечает он.

Совсем непонятно, о чем. Снег на ветках. Не зима вроде. К чему он это? Серый плюхает на камни еще, встает в рост, начинает разгонять воздух. Полотенце в его руках совсем домашнее, со слониками, наверное, из гуманитарки. Трудно вместить в одну мысль даже крошечный миг. Кто-то из философов удачно так сформулировал, главный вопрос человека — вопрос самоубийства. Обжигающий воздух заставляет согнуться.

— Жизнь я люблю. Ты не переживай. Хочу жить. Готов грызть сухую перловку, да хоть кору дерева или броню танка. Потому что это жизнь. Может, и вернуться получится. Ты главное МАН прошприцуй, душа болит, дальше разберемся.

Смеется, размашисто толкает предплечьем, вынимает веник из таза, трясет. Пора париться. Дыхалка у Серго в этом плане в порядке. Встаю выше, поворачиваюсь спиной. Ребята не спорят, лезут в моечную.

— А еще скажу тебе. Пусть лучше она будет злая. Вот представь — голосовуха каждый день, «как спалось, котик», «чмоки-чмоки», «я тебя тоже», пару строк, сердечко. А потом бац, тишина. Допустим, на неделю. Валидол, бессонница. Нахрена эти качели? А если навсегда? Нет. Пусть забудет меня, проклянет. Прямо сейчас.

Серый потихоньку разгоняет себя. Расхлестался. По канону парить полагается только с добрыми мыслями. Хотя, наверное, он и говорит о добре.

— Лучше скажи ей, что я бабу завел. Понимаешь, это моя война. Не там в полях, а внутри. Ну получилось так, потащило мужика. Вот, нашел решение. Ее это не должно касаться. А тут

еще похоронка придет, и что тогда? Не хватало, чтоб страдала из-за меня. Жили-были — и вся жизнь кувырком. Не буду ничего писать. Зачем нежности разводить. Зачем давать надежду? Реально, скажи ей, будто с кем-то сошелся.

Он опускает веник. Я его не вижу, лежу, закрыв глаза. Парни в моечной.

— Присмотришь за ней, если со мной что?

Плохая тема, но — конечно. Какие могут быть вопросы. И сейчас без внимания не оставляю. Правда, Лиза сторонится помощи, женщина самостоятельная. Как еще присмотреть? Чтоб не завела кого, что ли?

— Ты не понял. Если меня не станет, бери ее. Пусть ей будет на кого положиться. Во всех смыслах.

Снаружи воздух периодически вспарывается близкими выходами РСЗО, и вообще, кажется, сталкиваются континенты. Лес кишит армейскими. Линия призрачна, какие-то опорники отбиваются, какие-то теряются, в воздухе свои и чужие глаза. Но вдруг так тихо. Нет, Серый. Не в кассу. Не о том.

— Да кто тебя вообще спросит, — усмехается он и садится, усталый.

Хоронили Серегу на родине, в поселке. Я хотел что-то сказать Лизе, но она рукой повела, мол, успокойся. Будто все наперед ясно. А я просто собирался утешить.

Еще одно скажу, тело я с морга забирал, вещи получал и на родину вез. Так вот. Белье у Сереги было без нареканий.

ДОЛГАЯ ДОРОГА

В одном мирном российском городе на улице Береговой стоит большой частный дом с высокими окнами, рядом много подобных, не менее роскошных, да и многоквартирные по противоположной стороне выглядят достаточно представительно. Так вот, в этом доме, на втором этаже часто стоит мужчина и смотрит в окно. Из окна видно газон перед домом, часть улицы с маленьким перекрестком и спуск к озеру.

В других городах улица Береговая, может быть, выходит к реке, а то и к морю, но в этом городе она пролегает вдоль водоема, называемого по-разному — то пруд Центральный, то озеро Верхнее, а может быть, на планах города и вовсе как-нибудь вроде «Сорокалетия комсомола». В общем, водоем этот в центре города облагорожен дорожками, фонарями, лавочками, утками и прочим, поэтому всегда полон прогуливающих.

Мужчина, который стоит и смотрит в окно из большого дома, часто наблюдает одну и ту же картину — молодая пара с коляской и девочкой детского возраста поднимаются от озера, катят коляску по тротуару, а возле поворота в переулок начинают вдруг препираться. Он говорит что-то вроде: «Пойдем по моей улице, а?» Она ему: «Да хватит уже» или «Давай не сегодня, пошли здесь, так ближе». Обычно этот короткий спор приводит к одинаковому результату — молодой человек направляет коляску дальше по Береговой, с супругой или без, а та смиряется и следует рядом. Мужчина, который смотрит в окно, не придал бы никакого значения этим размолвкам молодежи, если бы не следующий факт. Пройдя буквально метров пятьдесят, молодой человек останавливает коляску и делает несколько шагов по лужайке в сторону большого дома с высокими окнами. Он подходит к камню, касается его и некоторое время молча сидит перед ним на корточках, иногда закуривая сигарету.

Этот молодой человек я. На камне написано «Защитникам Донбасса 2014 — ...». С обеих сторон всегда стоят живые цветы и небольшая лампадка. Когда-то цифра на камне была ограничена 2016-м годом, теперь же зловеще гостеприимно открыта. Если честно, не считаю себя особо молодым, но для того мужчины, что наблюдает за мной, я молод. Мы и вправду немножко препираемся с женой по поводу маршрута, и вообще-то часто я заведомо направляюсь в переулок, как нравится моей любимой, не давая поводов для ничтожных ссор. Но бывает просто необходимо посидеть рядом, выкурить сигарету-другую. Будто накапливается что-то внутри меня и требует беседы с камнем. Признаться, у меня в такие моменты даже нет никаких мыслей, просто душевное состояние приходит в порядок, и я могу следовать дальше. Жена знает о каких-то невыразимых сложностях

в моих отношениях с этим камнем, вернее, просто их чувствует, и, конечно, сердится. Это похоже на ревность.

Впервые я обратил внимание на неофициальный монумент как раз в 2016-м, в год, когда стал посещать Донбасс и познакомился с его жителями лично. Потом, в первый день осени 2018-го, целенаправленно пришел к камню, впервые коснулся его рукой и долго сидел рядом. В начале 2023-го, когда вернулся после долгого отсутствия, увидел, что крайняя дата на камне демонтирована, значит, отныне этот камень стал принадлежать всем тем, кто теперь будет оживать в моей голове, когда смотрю на него. Может быть, даже и мне. Открытая дата вывела из равновесия.

Знаю, на меня смотрит человек из высоких окон. Никогда не видел его, но с некоторых пор безошибочно научился чувствовать на себе сосредоточенный взгляд незримого наблюдателя. Он тоже знает, что я его чувствую. И знает, что я знаю, что он знает. Я могу предположить и некоторые его мысли, когда он видит меня возле камня или когда лужайка пустует. Например, самые банальные заботы — опять надо кого-то просить постричь газон, соседу заплатить или нанять фирму, да и ворота от плюща очистить, а то ходим только через калитку. Хотя, с другой стороны, зачем ворота, если гаражом никто уже не пользуется?

Это я понял, глядя на цветы, за которыми ухаживает пожилая женщина с глубокими глазами. Ее я тоже никогда не видел. Но так ухаживать за цветами может только мать.

Мужчина, который смотрит в окно, в свою очередь, многое знает про меня. И тоже понял это по цветам, которые я втайне от жены дважды в год кладу к подножию камня. Он может понять даты, видит цветы, которые ложатся у камня, может и предположить, почему в этот момент я один. Поэтому он так точно угадывает слова наших препирательств. И как никто другой понимает, что она чувствует, но не может сказать сама себе. Часто мы запрещаем себе переживать, отказываем в сочувствии, потому что знаем — пустив в себя сострадание, уже не сможем остаться в стороне.

Она не хочет любить этот камень и эту улицу, боится их полюбить. Не хочет знать про них. Она не хочет однажды считать эту

улицу своей. Боится, что когда-нибудь, выходя с дочерями с озера, скажет: «Давайте пойдём по папиной улице, а?»

И все все понимают. Понимает и мужчина за окном, и девушка с коляской, и молодой человек, который я. Все все понимают. Но никто не знает, как будет дальше. Коляска катится вперед, мужчина задергивает штору.